

Bobyř', Aleksandr Vasil'jevič

Литературная страница "русской акции"

Opera Slavica. 1994, vol. 4, iss. 1, pp. 1-19

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116353>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

**ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА "РУССКОЙ АКЦИИ"
(Е. Н. Чириков в Чехословакии)**

А. В. Бобырь

От автора

Автор предлагаемого вниманию читателей материала около двадцати лет исследует творчество Е. Н. Чирикова. В 1982 г. им была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук "Творчество Е. Н. Чирикова 1890-1905 годов и проблемы русского критического реализма". Во время строгих идеологических установок рассматривать предреволюционное, а тем более творчество эмигрантского периода не было никакой возможности. Да и значительная часть творческого наследия писателя была практически недоступной.

В силу обстоятельств и дружеских отношений двух городов - чешского Градец-Кралове и украинского Чернигов - автор имел возможность один учебный год работать на кафедре русского языка и литературы в Градец-Краловском педагогическом институте, познакомиться с материалами по русскому литературному Зарубежью в библиотеках и архивах Праги.

В результате проведенной работы были опубликованы мемуары Е. Чирикова, присланные автору его внуками из США, "На путях жизни и творчества. Отрывки воспоминаний" (Биографический альманах "Лица". М.-С.-П., 1993. С. 281-416), а также написаны статьи "Литературная страница "русской акции" (Е. Чириков в Чехословакии)" и "Полемика вокруг романа Е. Чирикова "Зверь из бездны".

Автор выражает искреннюю благодарность всем чешским друзьям и коллегам, которые оказали помощь и приняли участие в его научных поисках, - членам кафедры русского языка и литературы Градец-Краловского педагогического института, который возглавляет известный специалист по русской литературе доцент О. Рихтерек, директору

Славянской библиотеки в Праге доктору И. Вацеку, чешским филологам - участникам русистских семинаров.

* * *

Жизнь и 45-летний творческий путь русского писателя Евгения Николаевича Чирикова (1864-1932) были сложными, со многими крутыми поворотами. Родившийся в Самаре и ступивший с волжских берегов в бурный поток истории, он испытал на себе воздействие народнических и марксистских идей, но в 1920 г., антибольшевистски настроенный, оставил родину. Более десяти лет Е. Чириков относится к тем писателям, творчество которых в настоящее время мало известно широкому кругу читателей. Вышедший в 1961 г. сборных повестей и рассказов, редкие публикации его прозаических и драматургических произведений в журналах и сборниках, мемуары "На путях жизни и творчества", малочисленные статьи литературоведов, упоминание его имени в "обойме" художников рубежа XIX-XX вв., конечно же, не дают полного представления об этом своеобразном и одаренном писателе. А жизнь и творчество в эмиграции практически остались за "бортом" истории русской литературы нашего столетия.

Начало творческого пути Е. Чирикова, относящееся к концу 80-х гг. XIX в., было многообещающим. Несмотря на частые конфликты с властью, на постоянную смену местожительства, что дало возможность познать провинциальную глубинку России, он жил полнокровно, осознавая себя писателем-демократом. Критика связывала с ним большие надежды, ставя его рядом с М. Горьким и В. Вересаевым. Не обошел его своим вниманием и великий Лев Толстой, заметивший в произведениях талантливого художника "настоящий гоголевский юмор". А. Чехов поддержал советами, когда Е. Чириков начал писать пьесы. М. Горький считал обязательным издание произведений писателя в "Знании". В "Московском книгоиздательстве" вышло 17 томов его сочинений.

Рубежом жизни и творчества Е. Чирикова стали коренные социальные преобразования в России, его эмиграция.

Предложенный в данной статье материал об эмиграционном периоде жизни Е. Чирикова является первой попыткой восполнить пробел, поэтому автор не претендует на полноту освещения темы.

Наверное, если бы Е. Чирикову кто-то предсказал судьбу эмигранта, он в ответ весело бы рассмеялся, не принимая этого всерьез, настолько полно и тесно ощущал он свою связь с родиной. Но те

социально-политические процессы, которые происходили в России, то творимое жестокое бессмыслие, с которым художнику приходилось сталикиваться, то размежевание и даже разрыв с прежними единомышленниками, в первую очередь - с М. Горьким, больно ранившим сердце, и, наконец, прямая опасность для жизни родных и своей жизни заставляли представить невообразимое, ставили на край пропасти. Годы жизни и борьбы за свободу народа подвергались критическому осмыслению, взгляды пересматривались.

В мемуарах "На путях жизни и творчества" Е. Чириков точно и полно передал свое состояние, когда он понял, что трезвая мысль и слово бессильны повлиять на возбужденную толпу. "Революция надолго оборвала мое художественное творчество", - отмечал писатель.¹ Но он продолжал выступать в плехановской газете "Единство", в "Русских ведомостях", читал лекции в провинции - в Вологде, Рыбинске, Костроме, Нижнем Новгороде.

Однажды Е. Чирикова пригласил в Коломну молодой писатель Б. Пильняк, чтобы показать ему Коломенский кремль. Здесь Е. Чириков решил прочитать лекцию в местном Совете, которая вызвала дебаты. Со многими мыслями писателя большевики не согласились. Но спор проходил в корректной форме. На другой день Е. Чирикова пригласили учителя на свой уездный съезд, избрали его почетным председателем. В конце работы съезда он выступил и прочитал сатирическое стихотворение о большевиках и Ленине, которое вызвало неоднозначную реакцию присутствовавших. Для более полного представления о возникшей ситуации приводим отрывки из этого стихотворения:

"Нас немец победить не мог, -
 Ему Ильич в этом помог.
 Сей "барин красный", хотя русский,
 Приехал к нам за пломбой прусской
 И, чтоб пожар внутри зажечь, -
 Повел предательскую речь:
 К чему вам родина, отчизна
 И прочий буржуазный хлам?
 Иную заповедь я дам:
 Буржуй - единственный ваш враг!
 Режь! грабь! - и всех в один овраг:
 Попов, купцов, интеллигентов,
 Всех бар - помещиков, студентов,
 Профессоров и инженеров,

Кадет, эсдеков и эсеров,
Всех генералов, патриотов
И разных прочих идиотов,
Зовущих вас спасать Россию...

Далее приводился разговор Ленина с мужиком, солдатом и рабочим, с демагогическими посулами каждому; и создался из них триумvirат:

Так создался триумvirат:
Мужик, рабочий и солдат,
Спиной к врагу, штыком к народу
Творили новую свободу.
И русский воз социализма
Приехал в царство коммунизма..."²

Когда же назвтра Е. Чириков с Б. Пильняком и своей дочерью отправились осматривать Коломенский кремль, их догнали вооруженные люди и обвинили писателя в контрреволюционной деятельности, имея ввиду выступление на съезде учителей. Они были полны решимости расстрелять интеллигента. Когда Е. Чирикова отвели в ЧК, Б. Пильняк обратился в коломенский Совет с просьбой разобраться в этом инциденте. В ЧК прибыли члены революционного трибунала, которые присутствовали на первом выступлении писателя. Начался шумный спор о степени вины выступавшего. Речь, как заметил писатель, шла о разных выступлениях. Благодаря этому недоразумению Е. Чириков избежал расстреля, хотя внутренне он уже готов был к смерти. В городском Совете, оправдывая рьяного революционера, который требовал расстрела Е. Чирикова, писателю попеняли: "Вы сами виноваты, что нам приходится пользоваться малоразвитыми людьми. Если бы к нам шла помогать интеллигенция, такие случаи не имели бы места..."³ Е. Чириков благополучно оставил Коломну и отправился в Москву.

После подобных выступлений и статьи о В. И. Ленине в "Русских ведомостях", которая называлась "Великий провокатор", обстановка вокруг писателя накалилась. Через брата своей жены М. Григорьева Е. Чириков получил от В. И. Ленина записку: "Евгений Николаевич, уезжайте. Уважаю Ваш талант, но Вы мне мешаете. Я вынужден буду Вас арестовать, если вы не уедете".⁴

А в 1919 г., после выхода книги Е. Чирикова "Народ и революция" (Ростов-на-Дону, 1919), Ленин четко определил позицию писателя. На обложке этой книги черным карандашом он написал: "Особая полка: "белогвардейская литература".⁵

Е. Чириков и В. Ленин познакомились еще в Казанском университете. И хотя Е. Чириков уже заканчивал учебу на физико-математическом факультете, а В. Ульянов начинал учиться на юридическом, старшекурсник, как и другие студенты университета, с "почтительным благоговением" смотрели на коренастого рыжеватого соученика, - он был в ореоле подвига своего старшего брата Александра.

Близко сойтись им не удалось, помешали декабрьские события 1887 года, когда в Казанском университете прошла студенческая сходка, одним из главных организаторов которой был Е. Чириков.⁶ После сходки его, в числе 28 самых активных смутьянов, посадили в одиночную камеру. Большинство арестованных находилось в общих отделениях. За участие в сходке, хотя вина их была неравномерной, Е. Чирикова и В. Ульянова исключили из университета.⁷ Многие исключенные подверглись административной высылке. Е. Чириков попал в Нижний Новгород.

Потом служба его бросала во многие провинциальные города. В одном из таких городов, Самаре, в 1893 г. Е. Чириков снова встретился с В. Ульяновым, служившим тогда помощником присяжного поверенного Хардина, у которого они часто бывали в гостях. Брат жены писателя, М. Григорьев⁸, был дружен с В. Ульяновым, считался его учеником.

И еще одна встреча с В. Лениным зафиксирована в воспоминаниях Е. Чирикова. Писатель был свидетелем выступления вернувшегося из Германии вождя большевиков в Таврическом дворце, в зале заседания Государственной думы, где "в двухчасовой речи Ленин откровенно изложил всю свою программу действий, вплоть до превращения войны в гражданскую и захвата власти и объявления диктатуры".⁹

Создавшаяся обстановка и предупреждение В. И. Ленина вынудили Е. Чирикова с женой и ее матерью уехать в Крым, где у них была дача в Батилимане. Начинаясь период тревог за детей, разбросанных по всей России.

Следует уделить внимание семье писателя, и не только потому, что Е. Чириков был заботливым мужем и отцом, но и потому, что в его творчестве получили художественную разработку автобиографические мотивы.¹⁰ Семья давала и житейские, и творческие импульсы. Да и сами по себе судьбы Чириковых - яркое свидетельство драматизма переломной эпохи.

Жена Е. Чирикова, Валентина Георгиевна, была актрисой (сценический псевдоним Иолшина). У Чириковых было пятеро детей: двое

сыновей - Евгений и Георгий, трое дочерей - Новелла, Людмила, Валентина. Постоянно с ними жила мать Валентины Георгиевны, которую все любовно называли Бабушкой. Большая и дружная семья была опорой писателю во всех его невзгодах.

В Крыму Чириковых ожидало тревожное известие о том, что старший сын Евгений ранен в боях под Екатериноградом.

Евгений Чириков-младший учился в Новочеркасском политехникуме. В Новочеркасске с ноября 1917 г. начала формироваться белогвардейская Добровольческая армия. М. В. Алексеев набирал в так называемую "Алексеевскую организацию", которая впоследствии переросла в армию добровольцев из бежавших на Дон офицеров, юнкеров, кадетов старших классов, студентов и гимназистов. В двухтысячную Добровольческую армию, которой командовал Л. Г. Корнилов, вступил и сын писателя Евгений. 10-13 апреля 1918 г. Добровольческая армия попыталась овладеть Екатеринодаром, но потерпела поражение. Корнилов был убит, четыреста человек погибло, тысяча пятьсот - ранено. Под Екатеринодаром был тяжело ранен и сын писателя.

Узнав, где приблизительно находился сын, Е. Чириков и его жена через Керчь пробрались в Новороссийск, а оттуда - в Екатеринодар. Знакомые подсказали, что сын находится в станице Дягковская. Получив разрешение взять его на поруки, в случае побега - самому остаться заложником, Е. Чириков пробрался к нему, нашел его в живых, но с ампутированной ногой.

Не утихло сердце от тревог старшего сына, а уже нужно было хлопотать о младшем - Георгии.

Врангель рассчитывал при поддержке французской эскадры сохранить Крым, создать здесь плацдарм в борьбе с Советской Республикой. 7-17 ноября 1920 г. проходило Перекопско-Чонгарское сражение, в результате которого врангелевцы были разгромлены.

На эту готовящуюся бойню и отправили, мобилизовав в белую армию, совсем еще юного Георгия Чирикова, что до глубины души возмутило его отца. В одном из писем он с горькой иронией заметил: "Начальство готовится в эвакуацию, а младенца посылают на фронт".¹¹ Писатель начал хлопотать за сына, ему удалось вырвать его из обреченных рядов белогвардейцев.

Жена Е. Чирикова, Валентина Георгиевна, настаивала на том, чтобы муж и младший сын Георгий покинули Россию. Но писатель все еще колебался. Последний аргумент в пользу эмиграции, вероятно, прозвучал из уст В. Л. Бурцева, известного русского публициста и из-

дателя. Спустя год Е. Чириков вспоминал: "Я сперва решил остаться, но Бурцев, бывший в Севастополе, запугал меня. Прямо потребовал, чтобы я уезжал".¹²

И вот 13 ноября 1920 г. Е. Чириков с сыном Георгием выехали из Севастополя, а 20 ноября они были уже в Константинополе. По прибытии в Константинополь писатель сразу же почувствовал себя изгнанником. О первых эмиграционных впечатлениях он писал дочерям: "Тога (Георгий - А. Б.) ехал барином, а я татаринном, в каменноугольном трюме, весь пропитался угольной пылью и вообще хлебнул горя... Жизнь здесь (в Константинополе - А. Б.) невозможна, никакого заработка, русские служат прачками, кухарками, лакеями, - ужас!" в конце письма подпись - "Изгнанный правды-ради Евгений!"¹³ и впоследствии писатель неоднократно отмечал, что не добровольно покинул Родину, а, собственно, был изгнан из России.

В начале 1921 г. Е. Чириков из Константинополя перебрался в Софию. Но здесь долго жить не собирался. Пришло известие о том, что Георгий принят на учебу в пражский Политехникум. Нужно было готовиться к новому переезду, но всех тревожили мысли о разбросанной семье: "Моя мысль одна - соединиться с вами, собрать осколки семьи, без которой я не умею жить" (из письма от 15. 1. 1921 г.).¹⁴

Оставшаяся в России Валентина Георгиевна собирала по всему свету детей. Писатель беспокоился о жене, корил себя за разлуку с ней: "Это был страшный промах расстаться, и для нее, и для меня - драма!" (из письма от 20. 2. 1921 г.).¹⁵ Дочери Людмила и Валентина больные тифом лежали в больнице Новороссийская. Выздоровев, они с другом семьи И. Я. Билибиным отправились в Каир. Где находилась старшая дочь Новелла, никто не знал. В начале 1921 г. она объявилась в Нижнем Новгороде, а к концу года перебралась в Петроград. Сын Евгений пропал без вести на фронтах гражданской войны. Отец почти потерял надежду увидеть его в живых: "Часто берет тоска по маме и боль по Жене... если он не в Египте и не в Басре¹⁶, то значит погиб. Часто я, вспоминая о нем, не могу спать" (из письма от 5. 3. 1921).¹⁷

Приехавшего из Софии в Прагу Е. Чирикова духовно и материально поддержали чешские литераторы. От их имени русскому писателю помогал Эмануил Лешеград (1877-1955), известный чешский прозаик, поэт, переводчик и критик.

В литературном архиве музея национальной литературы в Праге сохранились два письма Е. Чирикова к Э. Лешеграду, написанные в трудный для русского художника 1921 г. Они являются ярким

свидетельством положения писателя-эмигранта, помощи и понимания чешских собратьев по перу.

Эти письма сохранились благодаря тому же Э. Лешеграду, еще в 90-е гг. Он начал собирать литературные документы, но из-за недостатка материальных средств его начинание потерпело неудачу. Однако Э. Лешеград не оставил задуманного. После первой мировой войны собирательская деятельность была намного успешнее. Чешский литератор стремился создать частный литературный музей, подобный французскому музею Виктора Гюго, коллекции братьев Гонкур, музею Мицкевича в Париже или музею Шиллера и Гете в Германии. С 1926 г. Э. Лешеград сделал свое собрание доступными. Исследователи литературы и искусства могли познакомиться с 35 000 экземпляров архивных материалов. Наиболее полно в архиве представлены русская, польская, английская, итальянская и прибалтийская литературы. Собиратель был в товарищеских отношениях со многими писателями, переписывался с ними. В 1952 г. он подарил свой архив, получивший наименование "Лешеградеум", национальному музею в Праге. В нем находилось более 60 000 литературно-исторических документов и книг с XV в. до середины XX.

Среди этого богатого собрания находятся и два письма Е. Чирикова к Э. Лешеграду. Первое из них от 6 октября 1921 г. русский писатель отправил из пражского отеля "Гранд", в котором он временно остановился.

"Уважаемый господин Lešehrad!

Примите мою глубокую благодарность за Вашу отзывчивость к моему квартирному затруднению.

Дело это, однако, разрешается для меня благоприятно. К 12/Х я получу две комнаты, а потому уже нет крайности беспокоить Вас.

Еще раз благодарю Вас за Вашу любезность и прошу принять уверение в моем искреннем уважении к вам, любезный собрат по перу.

С искренним уважением

Евгений Чириков"¹⁸

Второе письмо он послал 12 октября 1921 г. с указанием нового местожительства в Праге по адресу: ул. Манесова, 18.

"Многоуважаемый господин Lešehrad!

Я чрезвычайно растроган вниманием и братским участием ко мне со стороны чешских писателей. Прошу Вас и в Вашем лице "Союз

писателей"¹⁹ принять мою горячую благодарность за это братское отношение к собрату в трудные минуты жизни...

Так как затруднение мое временное и в скором времени я надеюсь выйти из него, то я просил бы "Союз писателей" обратить эти 4 000 кр/он/ в форму займообразной ссуды из кассы "Союза писателей". Я уже имею несколько предложений от чешских газет сотрудничать и на свой заработок литературный смогу, вероятно, безбедно прожить в Праге с сыном и дочерью. Но вот для чего мне нужна ссуда: в России остались моя жена с матерью, дочь и сын, потерявший в гражданской войне ногу. Вот им помочь - моя главная забота и мое главное затруднение. Обратив все возможное в валюту я посылаю с доктором Чешского Кр/асного/ Кр/еста/ г. Горак²⁰ некоторую помощь, но она недостаточна на всех, живущих в трех разных пунктах, родных.

Вот я и просил бы вас, обратив эти 4 000 кр/он/ в займообразную ссуду, превратив в немецкую валюту, передать их немедля доктору Гораку (подчеркнуто Е. Чириковым - А. Б.), уезжающему в субботу в Петроград для передачи лично дочери моей по адресу:

Петроград

Петроградская сторона,
Церковная улица, дом 8а, кв. 5.
Новелле Евгеньевне

Чириковой

Эта помощь, приобретенная к посылаемой через доктора Горак мною, даст существенную помощь моим родным, а быть может даже даст возможность хотя некоторым бежать от ужасов голода, холода и пр. ...Доктор Горак уезжает в субботу. Это редкий случай, дающий возможность послать помощь!..

Ссуду я верну, что надеюсь сделать в течение года.

С искренним уважением и признательностью

Spirovatel Евгений Чириков"²¹

В середине 1922 г. Е. Чириков сделал все для оформления виз, и в сентябре Валентина Георгиевна с матерью, детьми (к тому времени нашелся Евгений) и даже няней Вассой отправились пароходом из Петрограда в Штеттин, где их встретила сестра Людмила. Она забрала всех в Берлин, где была снята квартира. Здесь они жили около года, а потом, наконец, все собрались в Чехии.

Чириковы поселились в деревне Вшеноры на вилле "Тетка", а потом переехали на виллу "Боженка". Во второй половине дома

жила с детьми вдова Леонида Андреева Анна Ильинична. Они дружили еще в России. Дочь Андреева Вера Леонидовна в книге "Эхо прошедшего" воссоздала атмосферу жизни эмигрантов первой волны и оставила воспоминание о Чирикове этого периода: "Это был удивительно живой, жизнерадостный человек. Трудно было определить его возраст: несмотря ни на что, его никак нельзя было назвать стариком. Небольшого роста, всегда подтянутый, худощавый, он держался чрезвычайно прямо, ходил быстро, оживленно жестикулировал и часто смеялся заразительным смехом. Голова его была с сильной проредеющей, но смешливые глаза светились лукавством и юношеским задором. Евгений Николаевич обдала большим чувством юмора и пересыпал свою речь шутками и остротами".²²

В доме писателя устраивались литературно-музыкальные вечера, на которых с чтением своих стихов выступала Марина Цветаева.

Семейные и бытовые дела были улажены, и писатель снова обратился к литературному творчеству.

Произведения Е. Чирикова были известны чешскому читателю еще до эмиграции русского писателя, начиная с 1905 г., когда была переведена и опубликована пьеса "Евреи". Четырнадцать томов сочинений Е. Чирикова начали издаваться в Чехословакии с 1924 г. в "Русской библиотеке" Отто.²³

О популярности произведений Е. Чирикова у пражских читателей и об интересе к русской книге вообще можно, например, судить по статистике Масарикова народного университета за 1923-1927 гг. Народными публичными библиотеками было приобретено 214402 книги. Из них на русские переводы приходится 7067 книг: произведений Ф. Достоевского - 2073, больше всего - "Бедные люди" (324), "Унижение и оскорбление" (231); произведений Л. Толстого - 1533, больше всего - "Казачьи" (213); произведений Е. Чирикова - 846, больше всего - "Изгнание" (177), "Юность" (170), "Возвращение" (165). Далее идут И. Гончаров - 529, И. Тургенев - 514, А. Чехов - 456, Н. Гоголь - 422, Д. Мережковский - 349, М. Горький - 300. На произведения М. Лермонтова, Н. Лескова, И. Бунина, С. Есенина, А. Блока, Л. Андреева, А. Амфитеатрова, К. Федина, И. Эрэнбурга спрос был меньший.²⁴

То, что Е. Чириков "опережал" не только своих современников, но и многих классиков русской литературы, объясняется тем, что в его произведениях были поставлены актуальные проблемы, решались морально-нравственные конфликты, осложнявшиеся острыми

социальными вопросами. Немаловажно и то, что его книги навевали лирико-романтические воспоминания о России, питали ностальгические чувства эмигрантов. Но в сочинениях Е. Чирикова были и такие моменты, которые затрагивали читателей многих стран Европы. Отмечалось, что "ряд романов, повестей и рассказов, пользующихся большим успехом у европейского читателя, писатель выпустил на иностранных, по преимуществу славянских языках".²⁵

Зачастую сочинения Е. Чирикова выходили в свет сначала на чешском, а потом на русском языках. Чириковские произведения на чешский язык переводили Э. Чех²⁶, В. Червинка²⁷, Либ. Баудышо-ва²⁸, В. Подгорский, А. Й. Кучера.²⁹

Много из написанного Е. Чириковым - художественные произведения, воспоминания, критические статьи - публиковалось в Чехословакии на русском языке в эмигранционных изданиях, выходивших в Праге (Ковчег. Сборник союза русских писателей в Чехословакии; Младорусь. Периодический сборник; журнал "Студенческие годы" и др.).

Среди русских писателей, эмигрировавших в Чехословакию (А. Аверченко, М. Цветаева, Вас. И. Немирович-Данченко), Е. Чириков был заметной фигурой. В письме от 18 октября 1921 г. он рассказывал дочери Людмиле, как его встретили в Праге, об атмосфере жизни русских эмигрантов в чешской столице: "Прага - город значительный, красивый и приветливый... Я "персона грата": популярен, знаменит и любим. Почти все мои книги переведены... Много русских профессоров. Только что кончился съезд русских ученых, скоро общестуденческий съезд.³⁰ Вообще Прага все более делается русским культурным центром".³¹

Об этом свидетельствует и живший в Праге русский эмигрант Д. Мейснер: "Чириков привез на берега пражской Влтавы воздух средней Волги, откуда он был родом. В этом на первый взгляд нарочито простоватом человеке, немного лукавом, всегда остроумном и живом, была удивительная, чисто русская уютность. Он был очень любим окружающими прежде всего за эти его качества, за его простоту и какую-то особенную народность".³²

В "Энциклопедическом словаре Отто" о Чирикове помещена статья, в которой он представлен как писатель-реалист, отразивший в своих произведениях жизнь и взгляды русской интеллигенции, трагизм ее положения. Подчеркнуто, что Чириков прекрасно знал то, о чем писал, многие его произведения имели автобиографический

характер. Особо выделен цикл романов, в которых прослежена судьба русской интеллигенции со второй половины 80-х гг. XIX ст. до 20-х гг. XX ст. ("Юность", 1911, перевел на чешский язык Э. Чех "Mládí", 1917; "Изгнание", 1912, перевел В. Подгорский "Vyhnanství", 1917; "Возвращение", 1914, перевел В. Подгорский "Návrat", 1918; "Зверь из бездны", 1924, перевел В. Червинка "Šelma pekelná", 1924).

Ко времени выхода романа "Зверь из бездны" на русском языке и развернувшейся о нем полемике пришелся юбилей писателя - 40-летие литературной деятельности Е. Н. Чирикова.

В берлинской газете "Руль" ³³ от 16 января 1927 г. (№ 1863) была помещена юбилейная статья с фотографией Е. Чирикова у сделанной им в Праге модели волжского парохода.

20 января 1927 г. делегация Союза русских писателей и журналистов ³⁴ во главе с почетным членом Союза Вас. И. Немировичем-Данченко ³⁵ и председателем В. Ф. Булгаковым ³⁶ посетила писателя в его квартире. Прочитали адрес Союза, в который остроумно были вплетены заголовки чириковских произведений: "Деля с Вами тяжелые дни "Изгнания", в большинстве люди, чья "Юность" уже миновала, мы стремимся к Вам сегодня, в знаменательный день Вашего юбилея, дружную "Семью", чтобы засвидетельствовать свою неподдельную признательность за все созданное Вами в области родного слова и горячо пожелать Вам скорейшего со всеми нами "Возвращения" на освобожденную родину..."³⁷ Юмористические приветствия от себя и А. Амфитеатрова ³⁸ прочитал Вас. Немирович-Данченко. От имени членов русского литературного кружка "Далиборка" ³⁹ говорил молодой литератор С. Савинов.

Пришли поздравительные письма от Союза русских писателей и журналистов в Германии, правления Союза русских писателей и журналистов в Польше, телеграммы Театра Русской Драмы в Риге, редакции рижской газеты "Сегодня". Поступили приветствия от Литературного архива в Риге, от Союза русских педагогов в Чехословацкой республике, от чешско-русского кружка в Кладно. Поздравляли юбиляра чешские профессора Бажант и Урбан, югославский профессор Мурко, поэт Петр Кржичка,⁴⁰ А. Плещеев,⁴¹ С. Минцлов,⁴² М. Осоргин,⁴³ С. Горный, Я. Тейтель,⁴⁴ В. Португалов, А. Пешехонов.⁴⁵

Все эти речи, поздравительные адреса и телеграммы свидетельствовали об известности и популярности Е. Н. Чирикова не только среди русских эмигрантов, но и в чешских культурных кругах.

Но ни литературный успех, ни семейное благополучие, как всегда относительное, ни бытовые заботы, обременительные, но и дарящие житейские радости, - не приносили чувства равновесия и покоя. Взгляд был обращен в прошлое. Ни о чем другом, как о России, писать не хотелось. В одном из последних писем обращает на себя внимание признание Е. Чирикова: "Все в прошлом. Вот и книжка моя "Вечерний звон" - все раскопки прошлого. Настоящего точно нет. Конечно, много сюжетов дать может эмиграция, но не хочется и не можетя шевелить и беречь наши язвы и наши страдания. Толку мало, а боли много" (Из письма от 1. XI. 1931).⁴⁶

Живя в эмиграции с постоянным чувством ностальгии, Е. Чириков до последних дней верил в возвращение, то теряя надежду, то снова обретая ее. В 1925 г. он писал: "Время мчится с быстротою, а с ним и жизнь наша. Шестой год скоро в изгнании, а конца не видать. Я что-то уже теряю надежду вернуться к родным берегам и кончить земное странствие на родной земле."⁴⁷

Несмотря на долгие годы разлуки с родиной, Россия, ее просторы, Волга, города стояли перед глазами писателя. Не имея возможности вернуться в родные места, Е. Чириков возвращал их к себе. И не только в своем творчестве. Он нашел отраду в том, что по памяти создавал модели волжских пароходов, составлял панорамы городов. "Я писал уже вам, - напоминал Е. Чириков дочери Людмиле, - что в Иер (город во Франции - А. Б.) начал строить Россию из пробок и губки. Дома (в Праге - А. Б.) восстановил теперь городок на Волге. Вместо воды - стекло, водяное волнение делаю с помощью желатиновых пластинок из-под пряников. Каждое утро, вставши, смотрю теперь на Волгу! Полная иллюзия. я так увлекся этой работой, что она мешает мне писать" (Из письма от 8. II. 1926).⁴⁸

О тоске по родине, которая мучила всех эмигрантов, и о "хобби" Е. Чирикова вспоминала и В. Андреева. Она описала пражскую квартиру писателя, "носящую неистребимую печать российского интеллигентского жилища: какие-то ветхозаветные люстры, скатерти с помпончиками до самого пола, застекленный буфет, где при малейшем сотрясении мелодично перезваниваются на тоненьких ножках фужерчики, рюмочки, рядом дедовские, затейливых фасонов чашки, скорее похожие на полоскательницы, - на них надписи: "Пей до дна!", "Пей, да дело разуме!" и повсюду, куда ни кинешь взор, книги, журналы, газеты - и на полках, и в шкафах, и просто так на столе, на подоконнике. А у Евгения Николаевича еще свое "хобби": он строит с недо-

стижным искусством из спичечных коробок модели волжских колесных пароходов - со всеми деталями, с трубами, с палубами, даже с миниатюрными спасательными кругами и перильцами. На всю жизнь в Волгу влюбленный, на всю жизнь с нею разлученный, он хотя бы таким детски наивным способом хотел воскресить в памяти величие ее просторов, ее разливов, подобных морям, ее диким мохом поросших утесов... Чириковские модели волжских пароходов были совсем небольших размеров - 20-30 сантиметров в длину, тем более поражало скрупулезное искусство - и терпение! - с каким были воспроизведены все детали. Для пушкого эффекта строился ящик без передней стенки, где был воспроизведен целый участок волжского берега в миниатюре. Утесы, желтый песок, деревца, сама Волга изображалась куском зеркала, в котором отражался весь этот берег и сам пароход, плывший посередине. Где-то сзади зажигалась лампочка, и было действительно очень похоже на реку, освещенную солнцем, - полная иллюзия незабвенной волжской панорамы".⁴⁹

Редкие встречи с соотечественниками приносили щемящую радость воспоминаний о прошлом. "Ходили на концерт братьев Кедровых,⁵⁰ - с Петербургом и прошлым... Мы со стариком Кедровым расцеловались и долго смотрели в лица друг друга, едва узнавая" (Из письма от 1. 11. 1931).⁵¹

Вскоре Е. Н. Чирикова не стало. В последние минуты жизни, дома, возле умирающего писателя, кроме дочери Людимины, были все его родные - жена, дети, внуки.

"Чехи устроили Евгению Николаевичу, - вспоминает ныне живущая в США внучка писателя Наталия Георгиевна Федорова, - торжественные похороны. За катафалком, после духовенства и семьи, шли официальные представители русских и чешских организаций. Чешское правительство было представлено в лице министра Карла Крамаржа.⁵² Шли друзья и знакомые, ученики и преподаватели всей русской пражской гимназии. Ученики старших классов несли за гробом венки и цветы. Все движение на Вацлавском наместии, по которому шла похоронная процессия, было приостановлено. Похоронен Евгений Николаевич на русском Ольшанском кладбище".⁵³

В восприятии современников писатель остался патриотом своей родины, человеком, который никогда не пошел бы против России. "Чириков не дожил до тех лет, - как писал хорошо его знавший его Д. Мейснер, - когда перед нашей родиной возникла опасность наше-

ствия нацистов. Но, зная его стихийную, органическую любовь к России, я уверен, что, проживи он на шесть-семь лет больше, число последовательных патриотов в рядах эмиграции, вне сомнения, было бы им пополнено. Чирикова нельзя представить себе в лагере врагов России".⁵⁴

Жизнь и творчество Е. Чирикова, прошедшие в Чехословакии, являются одним из компонентов русского литературного Зарубежья, творческого процесса, протекавшего за пределами Отчизны. Они ярко свидетельствуют о том, как осуществлялся план так называемой "русской акции", инициатором которой был президент Чехословакии Т. Г. Масарык. В реализации этого плана принимали активное участие первый премьер-министр чехословацкого правительства Карел Крамарж, министр иностранных дел Эдвард Бенеш и его заместитель Вацлав Гирса. А непосредственно поддерживали русского писателя чешские литераторы, переводчики, критики, издатели, читатели - все те, кто понимали, в каком трудном положении оказались изгнанники из России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЧИРИКОВ Е. Н.: На путях жизни и творчества. отрывки воспоминаний. - в кн.: Лица. Биографический альманах. 3. М.; СПб 1993, с. 386.

² Там же, с. 387.

³ Там же, с. 389.

⁴ Из письма автору этой статьи внучки Е. Чирикова - Н. Г. Федоровой от 7. 5. 91 г. Записка не сохранилась. По другим сведениям предупреждение В. И. Ленина передал Е. Чирикову первый нарком здравоохранения Н. А. Семашко.

⁵ Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог, М. 1961, с. 239.

⁶ Сходку в Казанском университете Е. Чириков подробно описал в рассказе "Судьба", а также в отрывке из воспоминаний "Годы моего студенчества" ("Студенческие годы". Прага 1922, № 2, с. 3-7.).

⁷ Чириков в воспоминаниях "Годы моего студенчества" писал: "Ленин, хотя и не принял участия в беспорядках, но был исключен за несомненное участие..." (Указ. изд. с. 8).

⁸ Григорьев Михаил Григорьевич (1872-1934), один из первых русских марксистов.

⁹ ЧИРИКОВ, Е. Н.: На путях жизни и творчества. С. 384.

¹⁰ Атмосферу чириковской семьи и дома передает в своем стихотворении Т. Л. Щепкина-Куперник:

На Петербургской стороне
Есть дом приятный и уютный,
В нем отдохнуть отрадно мне
От петербургской жизни смутной.
В нем ярко бьется мысль живая,
В нем слышен спор, в нем звонок смех, -
Семьею дружной созывая,
Он соединять умеет всех.

Пусть ум с весельем сочетая,
Сходиться чаще будут в нем.
И пусть Мадонна пресвятая
Хранит прелестный этот дом.

Милым хозяевам.
18. янв. 1907 г.

Т. Щепкина-Куперник"

(Архив Е. Н. Чирикова (Музей Леси Украинки, г. Киев), А - 1636).

¹¹ Частный архив Е. Чирикова, находящийся у его внучки Н. Г. Федоровой (Нью-Йорк, США), далее - Архив Е. Чирикова. Выражаем глубокую благодарность внукам писателя Н. Г. Федоровой и А. Г. Ретивову за предоставленный архивный материал.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Басра - город в Ираке, морской порт на р. Шаттэль-Араб.

¹⁷ Архив Е. Чирикова.

- ¹⁸ Литературный архив Музея национальной литературы в Праге. Фонд Э. Лешегграда. № 311.
- ¹⁹ Союз чешских писателей и композиторов, который был организован в 1918 г.
- ²⁰ Горак Иозеф (1884-?) - чешский врач, доцент Карлова университета. Сначала заботу об эмигрантах в Чехословакии взяли на себя частные организации при финансовой поддержке общественности. Но когда количество беженцев значительно возросло (только русских насчитывалось около 16000 человек), была организована широкая государственная помощь. О нетрудоспособных и людях без финансовых доходов беспокоился чешский Красный Крест, он же проявлял медицинскую и материальную заботу об инвалидах, детях-сиротах, престарелых и больных (для болеющих туберкулезом содержался санаторий в Будах). К этому времени относится еще одно письмо Е. Чирикова к дочерям от 18. 10. 1921 г.: "Я послал ей (дочери Новелле - А. Б.) из чешского Красного Креста 3000 немецких марок, потом еще 1000 марок и скоро еще 1000 марок, дабы она делилась с мамой и бабушкой, которые должны позаботиться уже о найденном Жене! Вот радость! Я уже потерял надежду и вдруг... с доктором чешской миссии я послал Нельке посылку и валюту" (Архив Е. Чирикова).
- ²¹ Литературный архив Музея национальной литературы в Праге. Фонд Э. Лешегграда. № 311.
- ²² АНДРЕЕВА, В.: Эхо прошедшего. М., 1986. С. 254.
- ²³ Отто Ян (1841-1916) - чешский издатель и книгопечатник. Издательство Отто наряду с сериями "Дешевая библиотека", "Салонная библиотека", "Библиотека Золотой Праги", "Английская библиотека", "Сборник мировой поэзии", "Мировая библиотека" выпускало серию "Русская библиотека", в которой с 1888 г. выходила русская классика. В 1917-1928 гг. было издано 116 переводов сочинений А. Пушкина, Л. Толстого, М. Салтыкова-Щедрина, А. Чехова, Е. Чирикова, Л. Андреева, А. Амфитеатрова и др.
- ²⁴ См.: Русские в Праге. Прага, 1928. С. 331.
- ²⁵ Русская зарубежная книга. Библиографические обзоры. Ч. I. Прага, 1924. С. 105.
- ²⁶ Чех Эмерих (1870-?) - чешский переводчик. Переводил на чешский язык романы и рассказы Е. Чирикова и М. Арцыбашева.
- ²⁷ Червинка Винцент (1877-1942) - чешский журналист, публицист, переводчик и политический деятель. С 1901 г. - редактор еженедельника "Злата Прага". С 1907 г. - редактор газеты "Народни листы". В 1918-1921 гг. - председатель синдиката чехословацкой печати. Редактировал произведения, печатавшиеся в серии "Русская библиотека" издательства Я. Отто. Переводил Ф. Достоевского, А. Чехова, М. Горького, М. Зошенко, К. Федина, а также произведения живших в Праге Е. Чирикова, А. Аверченко, А. Амфитеатрова.
- ²⁸ Боудышова Либуша (литературный псевдоним Ольги Маришковой; (1877-?)) чешская писательница и переводчица. Свою литературную деятельность начала с переводов русских авторов.
- ²⁹ Подгорский В. и Кучера - малоизвестные переводчики.
- ³⁰ В октябре 1921 г. в Праге прошел первый академический съезд русских ученых, которые объединились в Союз русских академических организаций. Председателем Союза был избран проф. А. С. Ломшаков. В принятом съездом уставе среди главных задач русских ученых значилась забота о русских студентах за границей. Чуть позже был создан съезд всего русского эмигрантского студенчества. Прага стала мировым

центром образования эмигрантов. Чехословацким правительством были образованы Комитеты по обеспечению образования русских и украинских студентов. Здесь же находился центральный орган Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), членами которого было свыше 50 организаций из более чем 20 стран.

- ³¹ Архив Е. Чирикова.
- ³² Мейснер, Д.: Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. С. 214.
- ³³ Берлинская газета "Руль" выходила в 1920-1931 гг.
- ³⁴ Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии был основан в 1922 г. в состав первого правления Союза входили: Сорокин П. А. - председатель, С. К. Маковский, Е. А. Ляцкий - товарищи председателя, В. И. Менцель-Волынец - секретарь, Е. Н. Чириков, П. Б. Струве, П. П. Потемкин, В. В. Сухомлин. Чириков был почетным его членом. Союзом организованы литературные вечера, посвященные 15-летию со дня смерти Л. Н. Толстого, 40-летию литературной деятельности Е. Н. Чирикова, 80-летию Вас. И. Немировича-Данченко, памяти С. Есенина, А. Аверченко, П. Потемкина. На вечерах выступали с чтением своих произведений М. И. Цветаева, Е. Н. Чириков, с воспоминаниями о Л. Толстом В. Ф. Булгаков. Союз издавал литературный сборник "Ковчег" (под ред. В. Булгакова, С. Завадского, М. Цветаевой).
- ³⁵ Немирович-Данченко Василий Иванович (1844-1936) - русский писатель и публицист. В 1921 г. эмигрировал в Чехословакию. Умер в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище.
- ³⁶ Булгаков Валентин Федорович (1886-1966) - русский мемуарист. В 1910 г. стал личным секретарем Л. Н. Толстого. В 1923-1948 гг. жил в Праге, опубликовал книгу "Толстой-моралист" (Прага, 1923), подготовил "Словарь русских зарубежных писателей" (1940). В 1949 г. возвратился в СССР, стал хранителем дома-музея Л. Толстого в Ясной Поляне.
- ³⁷ Руль. 1927. № 1870. 25 января.
- ³⁸ Амфитеатров Александр Валентинович (1862-1938) - русский писатель. В 1920 г. эмигрировал. В 1921-1922 гг. жил в Праге. С 1900 г. печатались отрывки большого сочинения Амфитеатрова об истории I в. христианской веры под заголовком "Зверь из бездны". Е. Чириков, вероятно, читал их и запомнил название, которое впоследствии использовал для своей "Поэмы страшных лет".
- ³⁹ Литературный кружок "Далиборка", получивший название от пражской кофейни, где собирались его члены, был основан летом 1924 г. С. К. Маковским, Д. Н. Крачковским, В. А. Амфитеатовым-Кадашевым и П. А. Кожевниковым. В работе кружка участвовали Е. Н. Чириков, Вас. И. Немирович-Данченко, Г. Н. Гарин-Михайловский. На собраниях кружка читались произведения его участников, обсуждались книги, вышедшие в Советской России.
- ⁴⁰ Кржичка Петр (1884-1949) - чешский поэт и переводчик, интересовался русской литературой, переводил произведения А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Лермонтова, Т. Шевченко.
- ⁴¹ Плещеев Александр Алексеевич (1958-1944) - русский писатель, театральный критик, мемуарист. Сын поэта А. Н. Плещеева. В 1919 г. эмигрировал. Жил в Праге.
- ⁴² Мицлов Сергей Рудольфович (1870-1933) - русский писатель, библиограф.
- ⁴³ Осоргин (псевдоним; настоящая фамилия Ильин) Михаил Андреевич (1878-1942) - русский писатель. В 1922 г. эмигрировал, жил в Париже.

- ⁴⁴ Тейтель Яков Львович (1851-1939) - либеральный общественный деятель, давний товарищ Чирикова самарского периода (90-е гг. XIX в.).
- ⁴⁵ Пешехонов Алексей Васильевич (1867-1933) - русский статистик, публицист, политический деятель. В 1922 г. выслан за границу. Жил в Риге, Праге, Берлине.
- ⁴⁶ Архив Е. Чирикова.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Андреева, В.: Эхо прошедшего. М., 1986. С. 308.
- ⁵⁰ Квартет братьев Кедровых пользовался большим успехом у эмигрантов.
- ⁵¹ Архив Е. Чирикова.
- ⁵² Премьер-министр чехословацкого правительства Карел Крамарж и его жена Надежда Николаевна (урожденная Хлудова) имели тесные связи с русскими эмигрантами. В день освящения русской православной церкви на Ольшанском кладбище 22 ноября 1925 г. в своей речи Крамарж, по инициативе и отчасти на средства которого она и была построена, отметил, что часовня будет для русских людей свидетельством настоящего братского отношения чехов к великому народу (См.: АВСКИ, С.: 130 лет со дня рождения доктора Карола Крамаржа. - Народная демократия. 1990. 27 декабря). На церемонии освящения церкви присутствовал, участвовал в торжественной посадке деревьев и Е. Чириков. А в земле уже покоился прах А. Аверченко.
- ⁵³ Из письма автору этой статьи от 7. 5. 1991.
- ⁵⁴ Мейснер, Д.: Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. С. 214-215.